

Смехотерапия доктора Фриша

Это было время, когда гигантские портреты Леонида Ильича украшали привокзальную и другие площади нашего города. Вернее, это было то время, когда художники дорисовывали на этих портретах пятую Звезду Героя на пиджаке генсека, немного увеличивая его левую пиджачную часть, чтобы эта звезда поместилась. На некоторых портретах она как бы слегка уходила в подмышку, а на некоторых немного заходила на рукав. За подобную работу брались художники, имеющие доступ на высотные работы. По одному, по два они висели на веревках, домалевывая пятую звезду, живописная свежесть которой ярко выделялась рядом с уже похллыми звездами.

Но наш рассказ совершенно о другом.

Как-то я, начинающий газетный работник, и угрюмый газетчик Федорков попали на сеанс смехотерапии доктора Фриша вследствие моего назойливого любопытства. Федорков пошел за компанию, потому что я пообещал после сеанса купить бутылку портвейна, на который тот был падок до жадности.

Нашему походу на смехотерапию предшествовало появление в редакции шустрой молодой женщины (очень даже обаятельной), которая стала всячески рекламировать научно-оздоровительную деятельность доктора Фриша. В одной из газетных вырезок было сказано (и подтверждено профессором Преображенским), что смехотерапия по методу доктора Фриша благотворно влияет на нервную систему человека, повышает гемоглобин и дает положительный импульс, который способствует повышению производительности труда, отказу от вредных привычек и тому подобное. Федорков в эту билиберду не верил, а я (вынужден повториться) просто из любопытства — как это доктор Фриш будет нас смешить — рассказывать анекдоты, представлять какую-то пантомиму или просто покажет указательный палец, тут же приобрел у симпатичного менеджера два дешевых, напечатанных под трафарет билетика, и в означенное время по означенному адресу (в поликлинике № 7, кабинет № 34) мы с Федорковым оказались в мрачноватой, неопрятной комнате с фикусом, где должен был проводить свой сеанс доктор. В одном из углов комнаты стояло несколько старых гинекологических кресел вперемешку с такими же ржавыми креслами стоматологическими. В другом углу были свалены лопаты, грабли, оцинкованные ведра и несколько истертых автомобильных

покрышек. По-видимому, это была не то кладовая, не то подсобка, хотя на двери означенного "кабинета" красовалась скромная, написанная от руки, табличка: "Доктор Фриш. Смехотерапия".

Нас — то ли зрителей, то ли пациентов — собралось человек десять, все расселись на разномастных, стоящих у стен расшатанных стульях, причем многие места оказались незанятыми, и мы стали ждать появления главного действующего лица. Но ожидание затянулось. Уже миновало время начала, а его все не было.

Наконец в комнату "шаркающей кавалерийской походкой" вошла какая-то женщина, похожая на уборщицу (и глаз подбит, и ноги разные), и, взяв один из незанятых стульев, с грохотом утвердила его посреди комнаты. Затем она обвела всех нас недобрый взглядом и, как бы сплюнув на пол, вышла. Через какое-то время появился и сам доктор: небольшого роста, щуплый, лысоватый, с жидкой, перекошенной набок бородкой (на которой были видны остатки кефира). На нем был помятый, не первой свежести медицинский халат, из широкого бокового кармана которого, как у известного деятеля пролетарской революции, названием наружу торчала газета "Правда". Доктор Фриш вошел, что-то дожевывая, по-видимому, во рту у него был зубной протез (мост), и там что-то застряло. Не стесняясь присутствующих, он стал ногтем мизинца что-то поддевать и выковыривать, и я вначале подумал, что смехотерапия уже началась... Но тут доктор слегка стукнул ладонью по нижней челюсти, поставил мост на место и с той же приятной картавинкой, присущей все тому же деятелю пролетарской революции, сообщил публике:

— Я вчера сделал себе рот, а он никуда не годится. Но, наверное, это не только моя проблема, но и ваша.

Кое-кто из публики посочувствовал ему неопределенным пожатием плеч, и доктор вдруг стал деловым и решительным:

— Так-с! Ну что ж, товарищи, начнем, пожалуй, наш сеанс, — он обвел взглядом присутствующих. — Что-то маловато нас сегодня... Хотя это и понятно: погода располагает к морю, а море вы сами знаете к чему, — изрек он.

Действительно, день выдался жаркий, и Федоркова — впрочем, как и всегда — сильно располагало к портвейну. Он уже угрюмо стал поглядывать на часы и тяжело вздыхать.

— Сегодня в "Правде" я прочитал замечательную речь Леонида Ильича, — сказал вдруг наш эскулап. — Вот она, "Правда", а в ней речь, — он хлопнул себя по карману с газетой. — Речь просто потрясающая! Вы по-

том ее обязательно почитайте. Много поучительного на все случаи жизни вы найдете в этой речи:

"Что-то больно храбрый дедуля, — подумал я. — За подобное начало на смехотерапии по головке не погладят. Если среди нас сидит стукач, то его просто прихлопнут, как муху".

— Не подумайте, что я такой смелый, — как бы читая мои мысли, произнес доктор. — Я тоже многого боюсь, многого опасуюсь, но, тем не менее, мы начнем нашу работу совершенно с другого конца. Сейчас я вам буду делать свой пас, и нам будет смешно...

Он сел на стоявший посреди комнаты стул, откинув полы халата, как откидывают франные фалды пианисты, устраиваясь перед роялем, еще раз молча обвел всех взглядом, сохраняя на лице грустную серьезность, протянул вперед правую руку и поднял вверх указательный палец. Наступила тишина. Ни один стул не скрипнул.

Доктор сидел и не моргая смотрел на свой палец, затем слегка пошевелил им. Никто из присутствующих не издавал ни звука. Пауза затянулась. Мне стало как-то неловко за доктора... Наконец кто-то робко хихикнул.

— Вот-вот. Уже пошло, — сказал доктор, не меняя своего грустно-серьезного выражения лица. — Один уже смеется. Кто следующий?

Через какое-то время хихикнул следующий.

— Смелее, смелее, товарищи, — подбодрил присутствующих доктор и еще раз пошевелил пальцем. Это был просто палец, поросший кое-где довольно длинными и рыжими волосками, и ничего смешного в нем не было.

"Он нас считает идиотами", — подумал я о докторе — и тут же почувствовал, как мой рот расплывается в непроизвольной улыбке. Такие же полуулыбки появились и на других лицах. "Что за чертовщина!" — подумал я.

— Веселей, веселей, товарищи! — сказал доктор и еще пошевелил пальцем. Я как идиот рассмеялся. За мной засмеялись другие идиоты.

— Сеанс пошел, — сказал доктор, не меняясь в лице.

"Наверно, я слегка двинулся", — подумал я и уже рассмеялся над самим собой, над своей глупостью.

— Смейтесь не с пальца, а смейтесь с себя, — изрек доктор. — Смейтесь от всей души, товарищи...

Доктор стал шевелить пальцем более активно. Стыдливо поглядывая друг на друга, засмеялись еще несколько человек.

— Ничего, ничего. Не стесняйтесь, — подбадривал доктор. — Смейтесь. Здесь есть над чем посмеяться.

— Но в этом нет ничего смешного! — возразил вдруг один из присутствующих, похожий на бухгалтера человек, дурашливо улыбаясь и подхихикивая.

— Как это нет? — удивился доктор. — Вы же сами смеетесь. Это очень смешно. И он еще раз пошевелил пальцем.

— Ну, это ведь просто глупо, доктор, это же просто идиотизм какой-то, — настаивал пациент-бухгалтер и хотел, по-видимому, сделать серьезное лицо, но у него ничего не получалось. Он махнул рукой и вдруг захотал действительно, как дурак. Дурашливо и даже с какой-то долей истерики засмеялась пожилая женщина.

— Очень хорошо! Очень хорошо, товарищи! Вы должны хорошенько высмеяться над своими судьбами. Неважно, что есть причина вашего смеха — мой палец или ваш собственный. Некоторые из вас могут смотреть на свой палец.

Я увидел, как до этого угрюмо сидящий Федорков как дурак посмотрел на свой палец и даже не улыбнулся. От пальца он перевел свой взгляд на меня и в недоумении пожал плечами. От этого его взгляда я засмеялся еще сильнее и почувствовал, что от идиотского смеха у меня сводит скулы, а в животе сделалось больно. Я переломился надвое, не в силах превозмочь эту дурацкую смехотерапию.

— Ой, мне плохо! — застонала женщина в красной с вырезом блузке, и я увидел, как две ее выразительные круглые груди как-то сами по себе, подпрыгивая, вываливаются наружу.

— Кто не будет смеяться, — вдруг произнес доктор, — тот может обмочиться!

И от этой его нелепости я засмеялся еще глупее и громче.

Вдруг Федорков, кисло улыбнувшись, схватил себя за причинное место, вскочил и побежал к выходу, ругаясь нецензурными словами.

— Сеанс окончен, — наконец-то сказал доктор и опустил палец. Затем он сжал ладонь в кулак и спрятал его в карман с "Правдой".

— А тот, что выскочил — то явно подстава! — произнес, покидая помещение, человек-бухгалтер в лицо доктору Фришу. Доктор неопределенно развел руками.

— Хреновенькая-то! — зло изрек поджидающий меня на улице Федорков. Я глянул на его брюки, на которых имелось пятно явно определенного происхождения.

